

ОТ МУДРОСТИ К ФИЛОСОФИИ – И ОБРАТНО

М.Н. ЭПШТЕЙН

Философия, как известно, это буквально «любовь к мудрости». Но столь же известно, что на протяжении последних трех-четырех веков философия меньше всего занимается мудростью, особенно современная философия: как англо-американская, так и континентальная; как социально-радикальная, так и лингвистически-герметичная. Ни анализ, ни деконструкция, ни феминизм, ни неои постмарксизм, ни теоретики герменевтики и коммуникации не проявляют ни малейшего интереса к «софии» как исконному предмету и идеалу своей дисциплины.

Как отмечает Оксфордский философский словарь, «хотя мудрость и есть то, любовь к чему есть философия, в постклассической западной философии уделялось мало внимания этому существенному компоненту достойной жизни»¹. Это исчезновение мудрости из любомудрия может составить предмет особого философского вопрошания. «В древности мудрость рассматривалась как тип знания, необходимый для различения добра и для того, чтобы вести добрый образ жизни... Но о мудрости мало говорится в современной философии. Интересно поставить вопрос, как понятие мудрости в конце концов почти полностью стерлось с карты философии» – так обозначает проблему новейшая Рутледжевская философская энциклопедия².

Действительно, в большинстве современных философских энциклопедий и словарей, как российских, так и зарубежных, это понятие либо отсутствует, либо занимает непропорционально скромное место³. Как в психологии не осталось места для понятия «душа», так и в философии не осталось места для понятия «мудрость», хотя исторически эти дисциплины строились именно вокруг данных понятий и получили от них свои названия.

С другой стороны, и поиски мудрости в XX – XXI веках все чаще ведутся за пределами философии, в области того, что называют метафизикой, или спиритуальностью, или высшим знанием. Все это совокупно можно назвать **софиофилией** (sophiophilia) – **мудролюбием**, в отличие от философии как любомудрия. Если философия заостенела в академическую дисциплину системного построения понятий и логического анализа слов, совершенно оторвавшись при этом от мудрости, то софиофилия ищет для себя иных, неакадемических путей, прямо питаясь живой мудростью древних – книгами Иова и Соломона, Конфуция и Лао-цзы, а в Новое время – Монтенем и Паскалем, Гёте и Л. Толстым, Кьеркегором и Ницше.

В этой связи возникают следующие вопросы:

- Можно ли определить столь темный и ускользающий предмет, как мудрость?
- Почему философия в своем историческом развитии все больше удалялась от мудрости?
- Может ли мудрость, в конце концов, все-таки вернуться в философию и как преобразится сама философия в свете этого **софийного** подхода?

К истории мудрости

Во всех определениях мудрости подчеркивается ее отличие и от практического умения, и от теоретического знания. Первоначально греческое «sophia» относилось именно к ремесленным навыкам, например, Гомер говорит о софии плотника, «умного в длани» и ровняющего «корабельное древо»⁴. Постепенно это понятие переносится из практической сферы в этическую, а затем и в теоретическую, охватывая знание общих принципов. Легендарные семь мудрецов (sophoi), часто упоминаемые в греческой классике, мудры «вообще»: не в каком-то конкретном деле, а во всех делах, связанных с управлением обществом и направлением собственной жизни к доброй цели. Сократ, каким он выступает у Платона, полагает именно знание, а не умение началом мудрости. Те художники и государственные деятели, которые хорошо справляются со своим ремеслом, но не могут объяснить его принципов, не отдают отчета в своих действиях, не могут считаться мудрыми. Лисий – оратор, Гомер – поэт, Солон – законодатель, все они высокие умельцы в разных видах словесного ремесла. Но к мудрости их приближает не это, а вторичная способность говорить о своей речи, теоретически защищать ее или вскрывать недостатки.

Сократ. ...Если такой человек составил свои произведения, зная, в чем заключается истина, и может защитить их, когда кто-нибудь станет их проверять, и если он сам способен устно указать слабые стороны того, что написал, то такого человека следует называть не по его сочинениям, а по той цели, к которой были направлены его старания.

Федр. Как же ты предлагаешь его называть?

Сократ. Название мудреца, Федр, по-моему, для него слишком громко и пристало только богу. Любитель мудрости – философ или что-нибудь в этом роде – вот что больше ему подходит и более ладно звучит»⁵.

Иными словами, философия – это уже познавательная рефлексия над продуктами непосредственного творчества-мастерства. Наконец, у Аристотеля знание, причем в форме теоретического, самодовлеющего знания, становится главным признаком мудрости.

По Аристотелю, «науки об умозрительном выше искусств творения», которые, в свою очередь, мудрее, чем обладание опытом. «Мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности... Из наук в большей степени мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы»⁶. Мудрость у Аристотеля становится «наукой, исследующей первые начала и причины»⁷.

Как ни странно, именно это соединение мудрости с наукой повлекло за собой постепенное исчезновение мудрости из обихода философии, начиная со скептиков. Скептики усомнились в том, что первые начала и причины могут быть познаны ограниченным человеческим разумом. Для скептиков мудрость – это способность, напротив, воздерживаться от суждений, избегать догматизма и достигать нравственной безмятежности (атараксии). В результате мудрость перестала быть нужной и науке, поскольку она основана на теоретических изысканиях, и этике, поскольку она не требует теоретических знаний. Если у скептиков мудрость подвергается теоретическому сомнению, то для раннего христианства она утрачивает религиозно-этическую ценность: «добрая жизнь», ведущая к спасению, исходит не из мудрости, а из веры. По заключению новейшей и наиболее авторитетной философской энциклопедии англоязычного мира, в скептицизме «связь со знанием была либо оборвана (у практической мудрости), либо требовала сложного и обширного обоснования (у теоретической мудрости), прежде чем философия смогла бы вернуться к мудрости как предмету занятий. В значительной степени современная философия, озабоченная проблемами рационализации и информации, остается сосредоточенной в той области, которую проблематизировали античные скептики»⁸.

Следующий парадокс предоставляет нам кантовский критицизм, и этот парадокс состоит в том, что кантовский критицизм, в какой-то мере возродивший наследие античного скептицизма, создал предпосылки для возвращения мудрости в философию. Для Канта мудрость – это категория практического разума, его способность постигать высшее благо, состоящее в синтезе добродетели и счастья, и не только постигать, но и воплощать в собственном поведении. «Мудрость, рассматриваемая теоретически, означает познание высшего блага, а рассматриваемая практически – соответствие воли с высшим благом»⁹. У романтиков и Шеллинга мудрость приобретает главенство над знанием и истиной, поскольку позволяет понять изменчивость истины и ограниченность разума. Суть в том, что в послекантовскую эпоху теория философии как знания,

истинно отражающего бытие своего предмета, потерпела крах, и тогда внутри философии заново приобрела вес категория мнения. В Античности знание противопоставлялось мнению, как объективная истина – субъективному представлению. Теперь, в рамках господствующего после Канта познавательного перспективизма (романтического, ницшевского), всякое знание считается разновидностью мнения, всякий факт – интерпретацией, всякое открытие – изобретением. Закономерно встает вопрос: если все мнения зависят от субъекта и контекста высказывания, какие мнения следует предпочитать другим и на каком основании?

Что есть мудрость?

Таким образом, мудрость как *поиск лучших мнений в отсутствии точных знаний* вновь возвращается в философию, после того как претензии философии на объективное знание оказались несостоятельными именно перед лицом философской критики. Мудрость – это умение выбирать среди многих мнений наилучшее, не основываясь на твердом знании. Не удавшись как наука, как дисциплина объективного знания, философия возвращается к тому, что составляло ее основу, ее корень – к «софии», мудрости.

Мудрым можно считать такое мнение, которое позволяет живущему осуществлять свои интересы в согласии с интересами других (по Канту, мудрость проявляется в «самообуздании и в явном интересе главным образом к общему благу»¹⁰). Мудрость определяется не знанием фактов, как они есть, а взаимодействием с людьми, какими они могут быть. Мудрый не делает другим того, чего не хотел бы для себя, но вместе с тем он старается делать для других то, чего никто не мог бы сделать вместо него. Он стремится достичь общности с людьми и принести им пользу именно в том, что наиболее отличает его от других. Если судьба вручила ему смычок скрипача, он не променяет его на топор дровосека. Но если нужно спасти замерзающих, он отложит смычок и возьмется за топор. Он умеет находить кратчайший путь от своих наибольших способностей к наибольшим потребностям других людей. Он знает меру, соотносящую уникальный дар человека с универсальными нуждами человечества.

Мудрость – это умение возвыситься над своими текущими, сиюминутными интересами ради интересов более дальних, в перспективе – простирающихся за пределы индивидуальной жизни. Мудрый не променяет радости дня на удовольствие минуты, не променяет счастья жизни на радости дня, не променяет вечного блага на счастье жизни. Мудрость – это умение воздавать каждой вещи по ее мере, отделяя меру минуты от меры дня, меру пути от меры

дома и меру любви от меры дружбы. Мудрый старается быть соразмерным тем условиям, в которых застал себя на земле, воспринимая жизнь как дар и как *аксиому*, из которой следует исходить и с которой бессмысленно спорить. В поисках наибольшего блага для себя и для других он не упускает случая изменить то, что поддается изменению, но и не борется с тем, что считает необоримым.

Если пассивное качество воли именуется терпением, а активное — мужеством, то мудрость — это именно способность различать сферы применения этих качеств, отличать обстоятельства, которые нужно претерпевать, от обстоятельств, которые нужно переделывать. Выражение мудрости можно найти в следующем известном изречении: «Господи, дай мне благодать принять безмятежно вещи, которые нельзя изменить; мужество — чтобы изменить вещи, подлежащие изменению; и мудрость — отличить одно от другого»¹¹. Иными словами, мудрость как бы посредствует между добродетелями терпения и мужества, разграничивая области их действия: *принимать то, чего я не могу изменить, и изменять то, чего я не могу принять*.

Мудрость, ум и суетумудрие

Мудрость сходна с умом — у них имеется общая противоположность: глупость. Глупость — это непонимание меры, несоблюдение границ между вещами, подмена одного другим, действие в одном мире по законам другого. Фольклорный глупец плачет на свадьбе и танцует на похоронах. Но мудрость следует отличать от ума. Мудрый человек, как правило, умен, но умный — не обязательно мудр. Мудрость — это такой *ум, который понимает свои собственные границы* и сознательно может заменять действие ума действием сердца или действием тела. Прикоснуться к плечу страдающего мудрее, чем произнести назидание, вроде тех, что произносят друзья Иова. **Мудрость умнее самого ума**, она понимает место ума в мире, его ограниченность желанием, волеием, бессмыслицей. Мудрость может взвешивать ум и не-ум и отдавать предпочтение тому или другому. То, что может выглядеть безумием для ума, может быть оправдано мудростью.

Ум дается человеку от природы, разум дается обучением, мудрость приобретается самосознанием и самовоспитанием. Умными бывают дети, разумными — взрослые, мудрость — одна из немногих привилегий старости. Как замечает американский философ Джон Кикес, «возрастание мудрости и способность управлять собой идут рука об руку. Это пожизненные задачи, отсюда связь между мудростью и старостью. Старый может быть глуп, но мудрый скорее всего стар, поскольку возрастание требует времени»¹².

Еще одно различие. Ум может быть математическим или политическим, ограничиваясь одной сферой или специальностью (шахматы, компьютер, философия и т.д.), тогда как мудрость относится сразу ко всем проявлениям человека, ко всему объему человеческого. Нельзя быть мудрым в одном и немудрым в другом: мудрость – такое же цельное свойство, как целомудрие, поэтому и в слове, и в понятии они идут рядом.

В мудрости заново воссоединяются онтология и эпистемология, логика и этика. Мудрость, как уже говорилось, отличается и от практического умения, и от теоретического знания – именно потому, что опосредует их: это ум как основа главного умения – умения жить. Мудрость – это такое знание, которое становится способом существования, это знание не того, *что существует*, а того, *как существовать*. Мудрость – это единство логики и этики, это *искусство так мыслить, чтобы добродетельно жить*. Если другие нравственные добродетели – мужество, терпение, любовь, верность – связаны с качествами воли, то мудрость – единственная из них – связана с качеством мышления. Это этика, вытекающая из логики, и логика, проникнутая этикой.

Логика мудрости состоит в том, чтобы разделять все вещи, отличать *А* от *Б* и устанавливать для каждой вещи особые меры и законы. *Этика* мудрости состоит в том, чтобы соразмерять и сопоставлять все вещи, осуществлять наибольшее благо, сочетая дары одних с нуждами других, соединяя *А*, которому не хватает *Б*, с *Б*, которому не хватает *А*. Мудрость – это одновременно и мир, и меч. Остротой своей логики мудрость разделяет вещи и одновременно этически согласует их.

Если предположить, что все разделы философии, исторически развившиеся из любви к мудрости, в конечном счете, к ней и вернутся, то и сама мудрость при этом предстанет более углубленной и разносторонней, чем до своей утраты и восстановления в философии. Даже постклассическая западная философия, столь мало заботившаяся о мудрости, по-своему подготовляла возвращение к ней. Кантовская критика, ограничившая область знания, чтобы расширить область веры, была, по сути, новым упражнением в мудрости, возвращением на ее стези. *Мудрость разграничивает области знания и веры и не притязает знать то, во что можно только верить, однако и не ограничивается верой в то, что можно достоверно знать*. Гегель, построивший свою диалектику как восхождение над ограниченностью противоположных мнений, сделал ее орудием мудрости. Кьеркегор, вернувший все отвлеченные метафизические сущности в лоно единичного существования, напрямую связавший абсолютное «Ты» Бога с абсолютным «я» индивида, сделал для мудрости не меньше, чем сделал Гегель.

Движение мудрости в том и состоит, что оно соединяет односторонности и одновременно усматривает односторонность в самом их соединении. Мудрость есть свойство человеческого ума возвышаться над чувственной конкретностью и дробностью существования и вместе с тем отдавать приоритет живому существованию над абстракциями и химерами ума. Вот почему мудрость находит суетность не только в житейском существовании, но и в себе самой, называя себя *суемудрием*. Именно *суетность* — *основной противник мудрости, как глупость есть противник ума*. Если глупость есть неразличение вещей, непонимание их меры, то суетность есть волевая зависимость от тех вещей, которые ум признает несущественными. Суетность — это когда минуте уделяется забота дня, дню — забота года, жизни — забота вечности. Умный человек может быть суетным, и подчас именно ум вовлекает его в наибольшую суету, поскольку он критикует вещи, недостойные даже критики, и поправляет дела, которым лучше было бы вообще не делаться.

Мудрость — это ум ума, способность умно распоряжаться собственным умом. Возможно и неумное распоряжение своим умом, например в том случае, если ученый, отказавшись от фундаментальных исследований, тратит свой ум и дар на сотрудничество с органами разведки в области промышленного шпионажа. Человек, отдающий себя занятию меньшему, чем то, на какое он способен, или притязающий на большее, чем то, в чем нуждается, ведет себя суетно. Мудрость удерживает ум от суеты, от самонадеянности и от саморастраты в чрезмерно умном устройении всяких мелких дел. Но и сама мудрость способна впасть в суету, когда она чрезмерно дорожит собой и не хочет ронять себя до уровня простых вещей и забот существования. Поскольку над мудростью ничего не стоит, что могло бы смирать и обуздывать ее, она это делает сама, называя себя *суемудрием*. Таково свойство сократической мудрости: «Из вас, люди, всего мудрее тот, кто подобно Сократу знает, что ничего поистине не стоит его мудрость»¹³.

Мудрость, знающая себя как мудрость, действующая как урок и образец, — это и есть *суемудрие*. По замечанию Ралфа Эмерсона, «избыток мудрости делает мудрого дураком» («Опыт»)¹⁴. *Суемудрие* — это такая мудрость, которая абсолютизирует себя как знание и добродетель и ставит себя над другими знаниями и добродетелями, такими как вера, любовь, надежда, мужество, доброта, радость, веселье. Обличая суетность всех помыслов и устройств, она не признает, что над мудростью человека может быть и другая мудрость, ему неведомая, по сравнению с которой сама его мудрость есть безумие и суета. Даже мудрость Екклезиаста становится *суемудрием*, когда он провозглашает, что всё есть суета сует и томление

духа. «И “меня постигнет та же участь, как и глупого, к чему же я сделался очень мудрым?” И сказал я в сердце своем, что и это – суета... И возненавидел я жизнь...»¹⁵. И лишь когда Екклезиаст отрекается от этой чересчур самовольной мудрости, презирающей все человеческие труды, и признает смыслообразующую волю Господа над собой, оправдывает человеческую жизнь перед Богом, тогда мудрость, переставая обличать суету всего, сама перестает быть суетной, переходит в веселье и жизнеутверждение. «Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменяется»¹⁶. «Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим»¹⁷.

Первый шаг мудрости – возвыситься над суетой человеческих дел, оплакать их тщетность и смертность. Второй шаг мудрости – возвыситься над собственным отрешенным суетумудрием, принять и благословить дела, которые поручены человеку Господом. Таков «танец» мудрости, перемена ее шага, переход от печали к веселью.

Новая встреча мудрости и философии

Философ – далеко не всегда мудрец, и подчас философия, одной своей стороной приближаясь к мудрости, другой удаляется от нее. Философ, придерживающийся определенного «изма», бывает слеп к целому. Вообще «изм» – знак *умствующей глупости*, методологической одержимости. Мудрый человек понемногу сочувствует и сомыслит всем «измам» и не принадлежит ни одному из них.

Мудрость *дофилософична и постфилософична*. Соломон, Лао-цзы, Конфуций, Гераклит, Эпикур, Сократ, Иисус сын Сирахов – это начало мудрости. Но уже Аристотель превращает мудрость в особую науку, философию, которая хочет больше научать и наставлять, чем научиться. «Мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему – тот, кто менее мудр»¹⁸.

Возможно, что именно теперь, в начале III тысячелетия, когда философия разочаровалась в своей способности чему-либо научить, наступает момент ее обратного превращения в мудрость. Это не значит, что время развития философии было потеряно для мудрости и что ей надлежит просто вернуться к мудрости древних, к мудрости античной, библейской, конфуцианской. Мудрость многое приобрела, многому научилась, и в частности тому, что дело мудреца – учиться, а не поучать. Если, по Аристотелю, «мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять», то, по словам Гоголя, мудрый человек – тот, кто «постигает всю чудную сладость быть учеником. Все становится для него учителем; весь мир для него

учитель; ничтожнейший из людей может быть для него учитель. Из совета самого простого извлечет он мудрость совета; глупейший предмет станет к нему своей мудрой стороной, и вся вселенная перед ним станет как одна открытая книга ученья»¹⁹.

Мудрость Новейшего времени лишена спокойно-озерцательного характера: она одновременно и трагична, и комична, поскольку сознает невозможность и нелепость всеобъемлющей мудрости. Отсюда еще одно отличие: мудрость в наше время обходится без мудрецов. Нет, да и не может быть людей, вполне воплощающих мудрость, потому что и сама мудрость усложнилась и перестала отождествляться с отдельными индивидами. По словам Габриеля Марселя, «пора, пожалуй, забросить традиционное представление о некотором привилегированном существе, якобы вступающем в необратимое обладание определенным качеством бытия. Так понятый мудрец грозит предстать перед нами сегодня как мирской – и, несомненно, смехотворный – вариант святого... Мудрость... представляет собой не столько состояние, сколько цель»²⁰.

Мудрость тогда есть подлинная мудрость, когда она не вполне знает себя в качестве мудрости, когда она больше учится, чем учит, больше находит поучительного в чужих знаниях и добродетелях, чем в себе. Вот почему *к природе мудрости относится забвение себя как мудрости*. Вот почему и философия, как любовь к мудрости, легко забывает о мудрости даже и тогда, когда не перестает ей служить. Не потому ли философия на протяжении последних веков забывала о мудрости, что самой мудрости принадлежит способность себя забывать?

И в Новейшее время, выбросив мудрость из своих словарей и учебников, философия тем не менее сохраняет ее как сердцевину своих учений, хотя и преследующих совсем разные цели. Феноменология и экзистенциализм, аналитическая философия и Л. Витгенштейн, структурализм и деконструкция – все они, хотя и ослепленные страстями рассудка, по-своему пролагают путь мудрости.

Разве не мудро от абстракций умопостигаемой сущности вернуться к самим вещам, доверять тому, как они являют себя нашему сознанию (феноменология), или вернуться к самой личности, которая предшествует всем актам мышления о мире (экзистенциализм)? Разве не мудро отграничить наши языковые средства от природы самих вещей и не выдавать законы сочетания слов за законы мироустройства (анализм)? Разве не мудро от постижения явлений в их раздельности перейти к структурному познанию их взаимосвязей, так что каждый элемент целого обретает значение лишь по отношению к другим элементам (структурализм)? Разве не мудро искать в значениях слов больше того, что хотел вложить в них сам

пишущий, и находить противоречия там, где он сам себе казался ясным (деконструкция)? Во всех этих философских движениях XX века можно усмотреть восполняющее движение самой мудрости: от смешения к разделению – от раздельности к целому – от целого к пониманию внутренней разнородности его частей... Мудрость не задерживается там, где она стояла вчера.

Исполнение философии как единого проекта, во всем разнообразии ее учений, может быть достигнуто, однако, не в каком-то одном, самом истинном из этих направлений, а лишь в *софии*, к которой философия есть только путь²¹. Поступательно-возвратное движение каждой дисциплины, возможно, состоит именно в *завещании и последующем восстановлении* ее исходного понятия.

Рано или поздно философия придет к осознанию, что все ее враждующие направления – это проявления мудрости, которая враждует не только с глупостью и суетностью, но и сама с собой – с суетумудрием. Именно когда философия возвратится к мудрости, к тому, что составляет ее сердцевину, труд любви, означенный в самом слове «фило-софия», будет увенчан. И тогда все далеко разошедшиеся части философии – онтология, гносеология, логика, этика – обнаружат свою взаимосвязь именно в понятии мудрости как истоке и устье всех философских дисциплин и направлений.

Таким образом, любая философская концепция или система может быть прочитана как зашифрованная мудрость, как иносказание или аллегория мудрости. Таков софийный подход к философии, софийный метод ее интерпретации. Со временем реализм и номинализм, эмпиризм и рационализм, феноменология и экзистенциализм, структурализм и деконструкция будут поняты как разные грани мудрости, способы ее самопознания и саморазличения, позволяющие ей возвышаться над суетумудрием. Философия, которая станет говорить на языке всех этих движений как равно необходимых и дополняющих друг друга, уже выйдет за границы философии и определится в прямом отношении к своему началу – мудрости. Так проясняется перспектива, в которой все линии философии, далеко разошедшиеся от начальной точки «наивной мудрости», заново сходятся в направлении «искушенной», или «умудренной» мудрости, т. е. мудрости вдвойне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Oxford Companion to Philosophy / ed. by T. Nonderich. – Oxford: Oxford University Press; N. Y., 1995. – P. 912.

² Routledge Encyclopedia of Philosophy. 10 vol. Vol. 9. – L.; New York: Routledge, 1998. – P. 752.

³ Характерно, что статьи о мудрости отсутствуют в пятитомной «Философской энциклопедии» (М.: Сов. энциклопедия, 1962 – 1970), в «Философском эн-

циклопедическом словаре» (1989), во «Всемирной энциклопедии. Философия» (см.: М.: Аст; Минск: Харвест; Современный литератор, 2001).

⁴ *Гомер*. Илиада. Песнь 15. Ст. 411 – 412.

⁵ *Платон*. Федр. 278 с, d // *Платон*. Соч. В 3 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1970. – С. 221. Отдаление мудрости от умения и сближение ее со знанием обобщаются у Платона в формуле: «Ведь стремление познавать и стремление к мудрости – это одно и то же» (*Платон*. Государство. 376 b // *Платон*. Соч. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. – М.: Мысль, 1971. – С. 154).

⁶ *Аристотель*. Метафизика. Кн. 1. Гл. 2 // *Аристотель*. Соч. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1975. – С. 68.

⁷ Там же. – С. 69.

⁸ Routledge Encyclopedia of Philosophy. 10 vol. Vol. 9. – P. 753.

⁹ *Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 464.

¹⁰ Там же. – С. 439 – 440.

¹¹ Это высказывание приписывается то американскому теологу XX в. Рейнольду Нибуру (Reinhold Niebuhr), то немецкому церковному деятелю XVIII века Иоганну Этингеру (см.: Respectfully Quoted. A Dictionary of Citations / ed. S. Platt. – N. Y.: Barnes and Noble Books, 1993. – P. 276.

¹² *Kekes J.* Wisdom // *American Philosophical Quarterly*. Vol. 20. July 1983. № 3. – P. 286.

¹³ *Платон*. Апология Сократа. 23 b // *Платон*. Соч. В 3 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1968. – С. 90.

¹⁴ Сходного мнения придерживался кардинал Ньюмен: «Есть предел человеческого знанию; как духовные, так и мирские писатели свидетельствуют, что чрезмерная мудрость есть безумие» (overwisdom is folly) («Опыт о развитии христианского вероучения». Ч. 2. V. 6).

¹⁵ Еккл. 2 : 15, 17.

¹⁶ Еккл. 8 : 1.

¹⁷ Еккл. 9 : 7. См. также образ веселой Художницы – Премудрости в Книге притчей Соломоновых (Притч. 8 : 30 – 31). Эта общность мудрости и веселости получила дальнейшее осмысление у Спинозы: «...дело мудреца пользоваться вещами и, насколько возможно, наслаждаться ими (но не до отвращения, ибо это уже не есть наслаждение). Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовониями, красотой зеленеющих растений, красивой одеждой, музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, которыми каждый может пользоваться без всякого вреда другому» (*Спиноза Б.* Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова. Ч. 4. Теорема 45. Схолия 2).

¹⁸ *Аристотель*. Метафизика. Кн. 1. Гл. 2. – С. 68.

¹⁹ *Гоголь Н.В.* Христианин идет вперед (из «Выбранных мест из переписки с друзьями») // *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 6. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 220.

²⁰ *Марсель Г.* К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века. – М.: Политиздат, 1991. – С. 358. Еще И. Кант указывал, что «быть мастером в знании мудрости... это больше того, на что может притязать человек скромный... Притязать на обладание этим идеалом под пре-

тенциозным именем философа вправе только тот, кто мог бы указать влияние мудрости... на себе как на примере» (*Кант И.* Критика практического разума. – С. 439 – 440).

²¹ Одна из немногих разработок этой темы – статья американского феноменолога Дориона Кэрнса (1901 – 1973) «Философия как стремление к универсальной софии в интегральном смысле» (*Cairns D.* Philosophy as a Striving toward Universal sophia // Integral Sense. Essays in Memory of Aron Gurwitsch / ed. L. Embree. – Washington: The Center for Advanced Research in Phenomenology Inc. and University Press of America, 1984. – P. 27 – 43). Автор, один из ближайших учеников и последователей Э. Гуссерля, использует феноменологический метод, чтобы, вопреки раннему гуссерлевскому идеалу «строгой науки», вернуть философию к мудрости как целостному опыту согласования знания с искусством доброй, полезной и счастливой жизни. Мудрость в интегральном смысле, по Кэрнсу, включает не только мнения, но и эмоциональные и волевые установки.

Аннотация

Статья посвящена взаимоотношениям философии и мудрости, их первоначальному единству, историческому расхождению и возможностям новой встречи. Статья дает определение того, что можно считать мудростью, что отличает ее от ума и суемудрия, показывает, как меняется характер мудрости в современном мире и почему каждое философское направление, даже и не провозглашая мудрость своей целью или идеалом, по-своему способствует ее утверждению. Мудрость – это такое знание, которое становится способом существования, это знание не того, что существует, а того, как существовать. Развитие философии как теоретической дисциплины постепенно уводило ее от цельной и практически ориентированной «софии», но последующая специализация множества философских направлений ставит перед ними перспективу новой интеграции в софийности.

Ключевые слова: философия, софия, софиофилия, мудролюбие, мудрость, ум, суемудрие, дофилософская и постфилософская мудрость.

Summary

The article discusses the relationship between philosophy and wisdom (sophia), their common origins, historical divergence and opportunities for their new encounter. The article offers a definition of what can be considered wisdom and distinguishes it from intelligence and «vain wisdom.» The author further explains how the nature of wisdom changes in the contemporary world and why various philosophical schools, while avoiding to proclaim wisdom its final goal or ideal, still serve its ultimate affirmation. Wisdom is such knowledge that becomes a mode of existence; it is not knowledge of what exists but of how to exist. The development of philosophy as a theoretical discipline had drawn it away from the holistic and practical «sophia,» but the subsequent specialization of many philosophical directions reinforces the need for their new integration in the allegiance to wisdom.

Keywords: philosophy, sophia, sophiophilia, wisdom, intelligence, vain wisdom, prephilosophical and postphilosophical wisdom.